

КОНЦЕПТ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ И ПОЛЬСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ.

I. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Олег Лещак

доктор филол. наук, профессор в Институте иностранной
филологии Университета Яна Кохановского в г. Кельце (ПОЛЬША)

ABSTRACT

The paper discusses the peculiarities of conceptualization of the notion war in Russian and Polish ethnic world-picture from the cultural-civilizational perspective along with its reflectance in public discourse of both countries. The author takes into consideration various ways of understanding of the phenomenon of war and its linguasemiotic representation in song-parable tradition and in modern public comments that are iconic for public life in Russia and Poland.

Key words: concept, war, public discourse, ethnic world-picture, Russia, Poland.

У статті розглядається специфіка концептуалізації поняття війни в російській і польській етнічній картині світу в культурно-цивілізаційній перспективі і її відображення в публічному дискурсі обох країн. Автор розглядає різні способи розуміння явища війни і його лінгвoseміотичну презентацію в пісенно-паремічній традиції і в сучасних публічних висловлюваннях, які носять знаковий характер для суспільного життя Росії та Польщі.

Ключові слова: концепт, війна, публічний дискурс, етнічна картина світу, Росія, Польща.

Artykuł dotyczy specyfiki konceptualizacji pojęcia wojny w rosyjskim i polskim etnicznym obrazie świata w perspektywie kulturowo-cywilizacyjnej i jej realizacji w publicznym dyskursie obu krajów. Autor analizuje różne sposoby zrozumienia zjawiska wojny, jego prezentacji językowej i semiotycznej w tradycji piosenno-parablemicznej oraz we współczesnych wypowiedziach publicznych, które określają życie społeczne Rosji i Polski.

Słowa kluczowe: koncept, wojna, dyskurs publiczny, etniczny obraz świata, Rosja, Polska.

В центре данного исследования лежит концепт войны как одно из наиболее часто используемых понятийных полей в современных российском и польском публичных дискурсах. Под концептом я понимаю аксиологически значимую понятийную конструкцию, формируемую системой культурно-цивилизационных представлений о мире и формирующую дискурсивно-опытное поведение человека, им обладающего. Концепты — это инвариантные понятийные поля, которые имеют особую значимость для человека или же для целой группы людей (вплоть до народов или цивилизационной группы народов) ввиду того, что служат квалификаторами поведения, критериями оценок, указателями в деятельности, оправданиями поступков и пр. Было бы ошибкой полагать, что концепт войны представляет собой одно и то же понятие у всех участников упомянутых дискурсов. Не меньшей ошибкой было бы также полагать, что их два — одно у россиян, другое, качественно отличное, у поляков. Но ошибочным было бы и представление, что качественно отличных концептов «война» столько же, сколько участников польского и российского публичного дискурса. Это утверждение

могло бы быть правдиво в отношении понятия о войне. Но концепт — это не просто понятие и не только отдельное понятие. Это целое понятийное поле с ядерным компонентом — понятием «война», отмеченное культурно-цивилизационной оценочностью и общественной значимостью. вовлеченное в т.н. общественный обмен мнениями. По онтологической сути это личностная когнитивная функция, по происхождению — продукт социализации данной личности, а по телеологии — инструмент идеологического и мировоззренческого воздействия данной личности на других людей в публичной сфере опыта.

1. Культурно-цивилизационные системы организации общества: онтологическая специфика и аксиологическая типология

Проблеме культурно-цивилизационного описания этнического опыта я посвятил целый ряд публикаций, в т.ч. три монографии (см. Leszczak 2014a, Leszczak 2014b, Leszczak 2017), поэтому вряд ли имеет смысл еще раз подробно объяснять изложенный в них материал и аргументы. Достаточно отметить, что культурно-цивилизационная система организации общественного опыта понимается здесь как совокупность ценностей и социопсихологических поведенческих установок (включая стереотипы дискурсивного поведения), формирующихся у человека в ходе социализации в определенной среде, служащая синергетическим механизмом регуляции его жизнедеятельности как представителя некоторого этнокультурного или социокультурного сообщества. Человек редко когда отдает себе отчет в том, что целый ряд его поступков продиктован не его личными желаниями или ожиданиями отдельных воздействующих на него людей, а именно заложенными в ходе его формирования как личности социокультурными потенциями и требованиями. Более того, многие его ожидания относительно других и собственные желания являются таковыми не из-за характерологической специфики его личности («могу» и «хочу»), а именно из-за наличия у него тех или иных культурно-цивилизационных установок («можно» и «должно»).

Культурно-цивилизационные системы, по моему мнению, являются наиболее общими сводами ценностно-деятельностных установок, обобщение которых (если бы оно было возможно), неминуемо должно было бы называться *общечеловеческой системой ценностей и моделей поведения*. На сегодняшний день сложно говорить о наличии последней. Скорее всего человечество (как биологический вид) только начинает оформляться как культурно-цивилизационное целое. Но уже явно наблюдаются системные модели поведения культурного («субъект-субъектного») и цивилизационного («субъект-объектного») типа, свойственные представителям разных этнических формаций и выходящие далеко за пределы узкоплеменного или узконационального типа поведения. Более того, в условиях миграции, колонизации, а теперь и глобализации, создалась ситуация, в которой, во-первых, в силу обмена ценностных установок и поведенческих моделей представители самых различных и отдаленных друг от друга этнических сообществ могут обладать сходными или идентичными культурно-цивилизационными свойствами, а во-вторых, в рамках даже одного такого этнического сообщества могут наличествовать одновременно группы представителей самых различных культурно-цивилизационных типов организации общества.

Мне сложно говорить о всех возможных типах культурно-цивилизационных систем, поскольку в поле моего зрения находится лишь евроазиатское

пограничье, а конкретнее — польский, русский и украинский этнокультурный регион. Поэтому я говорю только о тех культурно-цивилизационных типах, которые имеют отношение к данному региону (функционируют в нем). В предыдущих работах я предложил включать в предметное поле исследования следующие культурно-цивилизационные системы организации общественного опыта: «общинно-натуралистический» (трибализм), «милитарный» (туранизм), «государственно-иерархический» (византизм), «теократический» (а конкретнее, «еврейский» тип), «либерально-демократический» (латинизм или европеизм) и «либерально-коммерческий» (консумпционизм) [Leszczak 2014б].

Все названные типы можно типологизировать по нескольким критериям: натурализм — виртуализм, рациональность — эмоциональность и коллективизм — индивидуализм. К явно натуралистическим, основанным прежде всего на витальных ценностях, можно отнести два первых типа — трибализм и туранизм. Это наиболее древние в историческом плане способы организации общества, сопряженные, соответственно, с земледелием и кочевничеством. Понятно, что в настоящее время их представители в большинстве своем ведут вполне современный образ жизни (поэтому, возможно, более точными были бы определения *посттрибализм* и *посттуранизм*), но в их системе ценностей продолжают доминировать натуралистические концепты: статика, привязанность к общине и территории проживания, традиционализм и имманентная религиозность (у посттрибалистов), а также динамичность, военно-маскулинный уклад общественной жизни, волонтаризм и культ физической силы (у представителей посттуранизма). В обеих системах просматривается доминанция неофициальных и неинституциональных форм поведения, утилитаризм, преобладание интуитивизма над рационализмом, неуважение к закону и недоверие к формальным решениям проблем.

Принципиально отличными от них являются византизм и теократия, для которых трансцендентные и метафизические основания организации общества (т.е. собственно культура и цивилизация в узком смысле) доминируют над естественными. Обе эти системы статичны и иерархичны (предполагают деление общества на классы и слои в зависимости от благосостояния и возможностей удовлетворения духовных потребностей и обе стремятся к сохранению такого состояния в качестве традиции и правового установления). Различие состоит в том, что византизм — это система общественной иерархии, в которой идеология (часто религиозная) служит реализации светской власти элит или государственного аппарата, а в теократии — государственная власть и элита подчинены религиозной власти или же образуют с нею единство. Византизм в большей мере, чем теократия, нацелен на удовлетворение материальных потребностей властьимущих. Он также гораздо более этноцентричен (в крайних проявлениях даже националистичен).

Две последние системы — консумпционизм и латинизм (европейская система) — носят промежуточный характер с точки зрения критерия натуральности / виртуальности. Различие состоит в том, что консумпционизм все же в большей мере делает ставку на экономические и потребительские (прежде всего — витальные) ценности, а латинизм — на ценности виртуальные (познавательные, эстетические и мировоззренческие). Обе системы динамичны, мультикультурны и даже глобалистичны.

Если взять во внимание второй критерий — рационализм vs. эмоционализм, то в обеих натуралистических системах эмоции доминируют над рациональностью. То же происходит и в теократии, где религиозные эмоции берут

верх над рациональностью (в этом смысле т.н. «еврейский тип» отличается от остальных видов теократии, поскольку здесь рациональный практицизм весьма высок). В византинизме, латинизме и консумпционизме этот критерий проявляется слабо. Византинизм несколько более формалистичен чем латинизм и консумпционизм, в то же время консумпционизм более рационально-практичен чем остальные системы. Для византинизма характерны пафос, возвышенность, эстетизм и сильная привязанность к культурным традициям прошлого. Консумпционизм, наоборот, сосредоточен на практичности, конкретной выгоде и рациональном планировании будущего. Вместе с тем, в консумпционизме наблюдаются многие проявления натуралистического иррационализма. Именно поэтому иногда этот тип организации жизни называют *неотрибализмом* или *неоязычеством*. Можно его назвать и *неонатурализмом*. Латинистский тип, скорее, склоняется одновременно к научному рационализму и рациональной этике в общественном поведении.

Существенные различия между описываемыми системами вносит и третий критерий — коллективизм vs. индивидуализм. В этом смысле на крайних точках данной типологической шкалы находятся трибализм с теократией (с одной стороны) и латинизм с консумпционизмом (с другой). Разница состоит лишь в том, что основа трибалистического общества — натуральная локальная община, а в теократии — это община религиозная. В случае же индивидуалистических систем разница состоит в том, что консумпционистический идеал — свободный и полностью автономный индивид (это своего рода общественный атомизм), а в латинистской системе речь идет об обобществленной личности, чье социально подтвержденное достоинство является доминирующей культурно-цивилизационной ценностью. При этом считается, что не меньшими ценностями здесь являются уважение к другим личностям и общественная солидарность с ними. Византинизм в этом смысле это смешанный тип. Характеризующее его общественное расслоение, с одной стороны, предвидит все большую индивидуализацию по мере восхождения в общественной иерархии, а с другой, предполагает коллективизм и корпоративную солидарность (своеобразную «круговую поруку») внутри собственной касты или класса. К принципиально коллективистским можно было бы отнести и туранистический тип организации общества. Однако в нем община (военизированная группа) представляет собой весьма неустойчивый коллектив. Он легко распадается в случаях отсутствия совместной цели и сильного лидера. Волюнтаристические тенденции и динамизм также не способствуют формированию иной сильной общественной связи, кроме т.н. «воинского братства» или «чувства локтя».

Подытоживая типологические рассуждения, представлю вкратце списки ключевых характерных черт каждой из описанных систем.

Трибализм (посттрибализм, собственно натуралистическая модель): статичность, витализм, коллективизм (натуральная локальная община), традиционализм, власть старейшин, религиозный имманентизм, утилитаризм, эмоциональность, недоверие к институционализму и формальному праву, социальный партикуляризм, интуитивный иррационализм.

Туранизм (посттуранизм, милитарная модель): динамизм, маскулинное сообщество, физическая сила / насилие, культ вождя, коллективная пассионарность, этос героя, послушание, основанное на страхе или преданности, военная организация общины, утилитаризм, импульсивный иррационализм, правовой нигилизм, волюнтаризм.

Византинизм (светская иерархическая модель): статичность, социальная иерархия, элитаризм / этатизм, трансцендентность власти, метафизический общественный порядок, вера, формализм, историзм, пафос, эстетизм.

Теократия (фидеистическая иерархическая модель): статичность, тотальный трансцендентизм, религиозная власть, коллективная религиозность (соборность), религиозные законы, жертвенность, эзотерика, символизм, эсхатологизм, фидеистический иррационализм.

Латинизм / европеизм (гражданская модель): динамизм, достоинство личности, гражданская позиция (индивидуальная пассионарность), гражданское общество, общественное мнение, социальный либерализм, рационализм, эгалитаризм / солидарность, панэтизм, легализм, благосостояние.

Консумпционизм / коммерциализм (утилитарная, неонатуралистическая модель): динамизм, индивидуализм, экономический либерализм, утилитаризм / меркантилизм, культ успеха, стандартизация, глобализм.

Если говорить о современном российском или польском обществах, то следует констатировать факт наличия в них черт всех описанных моделей общественной организации. Можно смело говорить о российских или польских византинистах, трибалистах, туранистах, теократах и т.д. Можно также говорить о целых группах или слоях населения, которым в большей или меньшей мере свойственны черты одной или нескольких из этих систем. Более того, можно говорить о том, сколько в каждом из россиян или поляков черт туранистических, византинистских, европеистских или консумпционных. Все это имеет свое яркое проявление в публичном дискурсе, где активно продуцируются тексты того или иного культурно-цивилизационного характера.

В данной работе меня интересует проблема концептуализации идеи войны в том или ином культурно-цивилизационном дискурсе, т.е. как понимают и как представляют войну российские и польские византинисты, латинисты, трибалисты, туранисты, теократы и консумпционисты.

2. Война как культурно-цивилизационный концепт (типологические заметки)

Под войной я понимаю экстремальную форму социально-политического противостояния (т.е. социально-политический конфликт) организованных общественных групп и/или институтов, реализуемого путем энергоматериального насилия (вооруженного конфликта) и/или агрессивного информационного воздействия. В этом смысле войной можно считать как вооруженный, энергоматериальный, так и чисто информационный социально-политический конфликт. Важно, что функциональными субъектами войны всегда являются чаще всего институциональные образования — государства, квазигосударственные образования, политические организации и движения, реже организованные неинституционализованные группы людей (разного рода социокультурные общины). Совершенно невозможно, чтобы субъектом войны был отдельный человек (например, выступающий от собственного имени террорист) или неорганизованная группа (например толпа, устроившая погром). Война — событие, во-первых, коллективное (если не сказать массовое), а во-вторых, кибернетическое (целенаправленное, организованное).

Массовость войны должна определяться не абсолютными числами участников или непосредственно вовлеченных в конфликт, а процентным соотношением вовлечения в него представителей сторон. Даже если значительная часть населения страны, ее армии, членов племени, клана, организации, втянутых в войну, активно в ней не участвует, то она все равно так или иначе вовлечена в конфликт в качестве граждан / подданных воюющей страны и трактуется активными участниками (и, особенно, противниками) как тыл и резерв армии или же как оккупированное население или потенциальное движение сопротивления. Если два племени насчитывают по 50 человек каждое и между ними начинается межплеменной вооруженный конфликт, и все они так или иначе в разных ролях в него вовлекаются, —здесь можно говорить о войне. Если же в драке фанатов двух футбольных команд участвует даже в десять раз больше человек, но к данному конфликту не имеют отношения ни члены их семей, ни их соседи и сотрудники по работе, ни даже все остальные болельщики этих же двух команд, более того, если дерущиеся фанаты в остальное время работают на тех же предприятиях или проводят досуг в тех же местах, название этого *войной* является чисто публицистическим штампом. Такой же бытовой метафорой является «война» с соседями или обычная конкуренция фирм, не приобретающая экстремальную форму энергоматериального насилия (уничтожения материальных ценностей и людей) или агрессивного информационного воздействия, приводящего к уничтожению противника как экономического субъекта. Еще один важный момент для каждой войны — мировоззренческая или экзистенциальная значимость для общества. В этом смысле бытовые конфликты носят частный характер и также не должны подводиться под категорию войны. Но все это лишь некоторые категориальные признаки понятия «война». Концепт «война» возникает тогда, когда, во-первых, в поле этого понятия производится конфигурация информации в аспекте ее мировоззренческой значимости, а во-вторых, к данному полю привлекаются на постоянной основе другие понятия, смежные с понятием войны, которые у носителей другой картины мира с войной либо не связаны, либо связаны слабо.

В каждой из рассмотренных выше культурно-цивилизационных систем организации общественного опыта сформировалось свое представление о войне, включающее в себя значимую информацию о характере такого рода конфликтов, их причинах, мотивах и целях, формах осуществления, а также о характере участвующих в них субъектов. Рассмотрим их по отдельности.

Трибализм

В этом типе организации общества чаще всего отмечаются неинституциональные или квазиинституциональные военные конфликты, которые почти всегда носят энергоматериальный характер. Обычно здесь речь идет о межродовых и межплеменных витальных войнах за территорию и средства к существованию — природные богатства или человеческие ресурсы. Реже войны такого плана носили (или носят, если речь идет о современных межплеменных конфликтах на африканском континенте, в Азии или в Южной Америке) мировоззренческий характер, т.е. вызваны нарушениями тотемов или сакральных мест, убийствами старейшин, шаманов, родственников и членов общины (кровная месть), угрозой идеологическим основам существования рода / племени / общины. В таких случаях кроме собственно вооруженных форм возможны элементы информационной войны (проклятия, магические ритуалы, послания

врагу с угрозами и под.).

Современное продолжение трибализма — посттрибализм или квазитрибализм — это либо народные волнения и социальные и/или идеологические бунты против государственной власти или элиты (обычно они носят энергоматериальный характер, включая погромы и самосуд, а информационный момент в них может быть связан с борьбой за этнокультурные права меньшинств и/или социальные права угнетенных), либо партизанские войны против интервентов. Но о трибализме можно говорить и как об отношении к войне нетрибалистического типа, поскольку в обществах византийского, туранистического или латинистского типов есть немало сторонников трибалистической культурно-цивилизационной модели. Их поведение может носить характер индифферентизма (отстранения от идеологических и политических мотивов войны и, как следствие, попытки избегания активного участия в конфликте, дезертирство, уклонение от выполнения воинских обязанностей), витализма (сосредоточение исключительно на экзистенциальных проблемах и обеспечении собственных бытовых потребностей) и утилитаризма (попытка извлечь из войны максимум личной экономической пользы). Мотивом к активному участию представителя трибализма в «несвоей» войне может быть либо стремление к выживанию, либо желание отмщения.

Война как концепт в трибализме обычно носит негативный характер и воспринимается как зло (но иногда неизбежное). Типичными трибалистическими формулами в отношении этого концепта можно считать выраженные в русских пословицах максимы: *Худой мир лучше доброй брани, Войной да огнем не шутят, Война кровь любит, Не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся*, и даже *Солдат спит — служба идет*. Не меньше такого рода мировоззренческих проявлений и в польской паремии. Иногда это нарекания на приносимые войной убытки: *Kiedy wojna, to krowa niedojna, Wojna jako woda: jednemu da, drugiemu bierze*, иногда — разного рода противопоставления войны миру: *Lepiej w domu cepem buchać, niż na wojnie kuli słuchać, Lepsza w domu kapuścina, niż na wojnie cielęcina, Lepszy żelazny pokój, niż złota wojna*, иногда — чисто пацифистские максимы: *Dasz pokój, masz pokój* или *Łatwiej wojnę zacząć niż ją skończyć*. Такой же настрой находим и во многих польских песнях о войне, часть из которых воспринимается как народные, хотя все они авторские:

*Idzie żołnierz borem lasem,
borem lasem*

*Przymierając z głodu czasem,
z głodu czasem*

*Suknia na nim nie blakuje, nie blakuje
Wiatr dziurami przelatuje, przelatuje*

(*Idzie żołnierz borem lasem*)

Ten już w grobie leży z dala

od rodziny,

A za nim pozostał, a za nim pozostał

Cichy płacz dziewczyny

(*Wojenko, wojenko*)

*Deszcze niespokojne potargały sad,
a my na tej wojnie ładnych parę lat.*

*Do domu wrócimy, w piecu napalimy,
nakarmimy psa.*

*Przed nocą zdążymy, tylko zwyciężymy,
a to ważna gra!*

(*Deszcze niespokojne*)

Domy popalone, szpitale zburzone

Gdzie się mają podziąć ludzie poranione

Lecą bomby z nieba brak jest ludziom chleba

Nie tylko od bomby umrzeć będzie trzeba

(*Dnia pierwszego września*)

Тот же трагический способ представления войны свойствен и многим другим польским песням военного периода (*Gdy w noc wrześniową, Warszawo ma, Pierwszy Sierpień*). В ряде случаев трибалистическая установка выражается

в высмеивании врага и носит фольклорные черты (*Siekiera, motyka, Piosenka w tramwaju, Czerwone jabłuszka, Wróg napadł na Polskę, Nalot*). Кроме того во многих песнях трибалистического типа война является лишь фоном для бытовых историй, любовных романов и флиртов (*Kto handluje ten żyje, Przybyli ułani pod okienko, Ej, dziewczyno, O mój rozmarynie, Hej, hej ułani, Deszcz, jesienny deszcz, Dziś do ciebie przyjść nie mogę, Serce w plecaku* и др.). Квинтэссенцией польского трибалистического отношения к войне можно считать фразу из «Свадьбы» С. Выспянского: *Niech na całym świecie wojna, byle polska wieś zaciszna, byle polska wieś spokojna*.

В том же бытовом и витальном духе выдержан также целый ряд русских песен о войне, в которых война представлена как экзистенциальная трагедия, почти мифическое явление:

*Выстрел грянет, ворон кружит...
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...
Край сосновый, солнце встает.
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.
(Эх, дороги)*

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей
(Журавли)*

*Машина пламенем объята,
Вот вот рванёт боекомплект
А жить так хочется ребята.
И вылезать уж мочи нет...
В углу заплачет мать-старушка,
Смахнёт слезу старик отец,
И молодая не узнает
Какой у парня был конец
(На поле танки грохотали)*

*Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.
Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой
(Враги сожгли родную хату)*

или же как стихийное бедствие, которое просто нужно как-то пережить, заботясь прежде всего о жизненных потребностях

*Вспомню я пехоту
и родную роту,
И тебя — за то,
что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ,
по одной,
Давай закурим, товарищ мой!
(Давай закурим)*

*Ты сейчас
далеко-далеко,
Между нами снега
и снега.
До тебя мне
дойти нелегко,
А до смерти —
четыре шага.
(В землянке)*

*О смуглянке-
молдаванке
Часто думал
по ночам
Вновь свою
смуглянку
Я в отряде
повстречал.
(Смуглянка)*

*Есть у меня в запасе гильза от снаряда,
В кисете вышитом — душистый самосад.
Солдату лишнего имущества не надо.
Махнем, не глядя, как на фронте говорят.
(Махнем не глядя)*

*Чтоб все мечты мои сбылись
В походах и в боях,
Издаю мне улыбнись,
Моя любимая.
(Моя любимая).*

Нередко война становилась темой и для такого обычно развлекательно-го фольклорного деревенского жанра, как частушки:

Для туранизма война — это один из ключевых концептов. Милитарное решение проблем в этой модели организации общества — самое простое и желанное. Воин или полководец — наиболее уважаемая общественная функция. Страна понимается как военный лагерь, граждане как воины или работники тыла, а жизнь — как перманентная борьба. Это именно о туранистах говорится *Кому война, а кому — мать родна*. Не удивительно, что большинство российских пословиц и поговорок о войне носит именно туранистический культурно-цивилизационный характер: *Тот побеждает, кто смерть презирает, Бой отвагу любит, Смелого пуля боится, Смелость города берет, Убил противника в схватке — и все в порядке, Самая лучшая смерть — смерть на поле боя, Мертвые сраму не имут, Лучше в бою умереть, чем в плену тлеть. Врешь, не возьмешь, Ни шагу назад, Напролом идут — голов не жалеют, Лучше быть убиту, чем в плен взяту! Война кровь любит, Биться до последней капли крови, Победа любой ценой, Либо в стремя ногой, либо в пень головой*. О человеке, на которого надеются в чисто бытовых вопросах, русские говорят, что *пошли бы с ним в разведку*, а того, кто не оправдал этой надежды, называют *предателем*. В то же время друзей-единомышленников часто называют *соратниками*, т.е. дословно — братьями по оружию. Именно туранизм с его культом воинской славы и доблести, глорификацией войны и оружия является основой всех видов милитаризма. В отличие от империализма (характерного для византизма), милитаризм в каком-то смысле «альтруистичен». Как точно отметил диссидентствующий священник Яков Кротов, «Милитаризм расхожен, потому что основан на идее чести как материальной славы. Честь оружия проявляется прежде всего во внешнем. Милитарист тем славнее, чем больше убит людей, чем больше у него оружия, которым убивают людей, чем лучше украшено это оружие (...) Расходный милитаризм принадлежит древнему прошлому. Сегодня примером его является, можно надеяться, только Россия. В ней по сей день звучит оправдание: „Народ России ничего не получил от стран, которые вошли в состав России, наоборот, он тратился на них”» [Кротов]. И это правда, народ России ничего не получил и не получает от милитаризма ее руководства. В туранизме важно, что получают лидеры и непосредственные участники похода (в посттуранизме — силовые структуры, представляющие опору власти). И среди получаемого в качестве контрибуции не последнее место занимает власть и безграничная возможность реализации собственной воли.

Неудивительно, что в польском паремическом фонде практически нет чисто туранистических пословиц и поговорок. С одной стороны, это связано с тем, что создателями такого фольклорного материала обычно являются представители низших слоев населения, а эти в Польше были и до сих пор являются представителями трибалистической модели. Доминирующей системой организации польского общества (благодаря влиянию католической церкви и западноевропейской феодальной традиции) до сих пор является элитарно-корпоративный византизм. Поэтому традиционный польский феодальный подход к войне носил ярко выраженный империальный характер. Как и все остальные европейские народы, колонизировавшие менее развитые в цивилизационном отношении народы, польская шляхта (дворянское сословие) подходила к войне как источнику доходов и форме этнического угнетения иноверцев и покоренных меньшинств. Туранизм в польскую культуру проник с именно с востока и не через низшие слои населения, а через шляхту, обретая формы т.н. «сарматизма», т.е. милитарного дворянского своеволия. Шляхта же была далека от устного

народного творчества, зато проявляла свои туранистические убеждения в литературе, в частности в балладах и военных песнях. Признаки туранизма (героики борьбы, повстанческие порывы, вспышки воинского энтузиазма, упрямую удаль, романтику войны, номадическую пассионарность) иногда можно обнаружить именно в такого рода произведениях:

*Marsz, marsz z żelazem,
W kim serce, w kim męstwo,
Przysięgnijmy wszyscy razem:
Śmierć albo zwycięstwo.*
(Mazur)

*Chłopczy silni jak stal, oczy patrzą
się w dal,
nic nie znaczy nam wojny pożoga.
Hej, sokoli nasz wzrok,
w marszu sprężysty krok.*
(Chłopczy silni jak stal)

*Zagrzmiały salwy, broni szczęk i huk
granatów grzmi;
Rażonych wrogów słysząc jęk,
do szturmu trąbka brzmi.
Idzie jak burza polska brać, idzie
śmiertelnych wrogów prać.*
Walczą szalone, wściekłe lwy, to N.S.Z. - to my!
(N.S.Z. - to my)

*Nie ten umiera co właśnie umiera
Lecz ten, co żyjąc w martwej kroczy chwale
Więc ci, co zginęli, poszli w bohaterzy
Ci, co przeżyli - muszą walczyć dalej.*
(Samosierra)

Стоит подчеркнуть, что в российском военно-песенном фонде количество такого рода произведений не идет ни в какое сравнение с польским. Вот только несколько примеров:

*Vzвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.*
(Взвейтесь, соколы, орлами)

*Веди, Буденный нас смелее
в бой!
Пусть гром гремит, пускай
пожар кругом:
Мы — беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь
есть борьба!*
(Марш Буденного)

*Гремя огнем, сверкая
блеском стали
Пойдут машины в яростный
поход,
Когда нас в бой пошлет
товарищ Сталин
И Ворошилов в бой нас
поведет!*
(Марш танкистов)

*Солдатушки, браво-ребятушки,
где же ваши жены?
«Наши жены — ружья заряжены,
вот где наши жены!».*
*Солдатушки, браво-ребятушки,
где же ваши детки?
«Наши детки — пули наши метки,
вот где наши детки!».*
(Солдатушки, браво-ребятушки)

*Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.
Прощайте, родные! Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада, Гренада моя!».*
(Гренада)

*Словно прирос к плечу солдата автомат,
Всюду врагов своих заклятых бил солдат.
Бил солдат их под Смоленском,
Бил солдат в поселке энском,
Пуль не считая, глаз не смыкая,
бил врагов солдат.*
(Баллада о солдате)

Некоторые из этих песен были популярны 100 и 200 лет назад. На них выросло не одно поколение россиян и они не могли не оказать воздействия на формирование их культурно-цивилизационного мировоззрения.

ВИЗАНТИНИЗМ

В отличие от двух предыдущих случаев, войны в византинизме воспринимаются именно как собственно институциональные и идеологические конфликты. Византинизм — это одна из самых распространенных в современном мире форм организации общественного опыта. Именно поэтому можно и нужно выделять различные его подтипы. В первую очередь, следует брать во внимание, кто является господствующим в общественной иерархии субъектом — элиты (корпорации) или государство (бюрократия). В первом случае можно говорить об элитарном византинизме (такая форма, как я уже отметил выше, доминирует в наше время в Польше), во втором — о византинизме этатистическом (эта форма субдоминирует в современной России и начинает формироваться в Польше под властью партии Право и Справедливость). Если говорить о характере войн в элитарном византинизме, то это обычно войны в интересах общественных групп, т.е. войны межэлитарные (межклановые, междоусобные), почти всегда идеологическо-экономические, равно энергоматериальные и информационные. В этатистическом же византинизме войны ведутся обычно в интересах государства или группы государств. Это могут быть межгосударственные конфликты — агрессивные или оборонительные, империальные (глобализационные) войны — всегда агрессивные, т.н. «антитеррористические операции», осуществляемые чаще всего с целью подчинения одних государств другим, а также разного рода квазивойны (т.е. необъявленные войны, неявные диверсионные войны, в т.ч. ставшая «модной» в последнее время т.н. «гибридная война», разные формы государственного терроризма). Характер таких войн может быть как собственно энергоматериальным, так и чисто информационным (в последнее время это т.н. *кибервойны*). Как уже отмечалось выше, византинистские войны условно можно назвать империальными, т.к. ведущие их элита или государственный аппарат, стремятся в первую очередь подчинить себе противника и максимализировать не только собственную выгоду, но и выгоду для всей метрополии (в т.ч. для своих непосредственных подданных). Именно так всегда поступали польские элиты и государство в своем продвижении на восток, но почти никогда так не поступало российское руководство, ища в войнах выгоду только для государства и приближенной к нему элиты госслужащих, воспринимаемых как воинов власти. Основная часть населения в результате войн довольствовалась только гордостью за свое государство и его руководителей. В материальном же отношении оно страдало ничуть не меньше, а иногда и больше, чем побежденные. Именно в этом состоит доминанция туранского типа организации общества в России над византийским.

К смешанным, элитарно-этатистическим формам войн я отнес бы некоторые гражданские войны (т.е. вооруженные конфликты за государственную власть в узкоинституциональных или корпоративных интересах), в т.ч. военно-революционные конфликты и военные перевороты как их составляющие. Обычно такого рода войны сопровождаются интенсивным информационно-идеологическим противостоянием элитных групп между собой или части элиты и государства.

На определенном культурно-цивилизационном этапе развития хозяйствования элитарный византизм (идеальной формой политико-экономической организации для которого является феодализм) преобразуется в элитарно-экономический или этатистическо-экономический. В этот момент политико-экономической основой функционирования общества становится промышленная рыночная экономика. Для такого типа общества характерно понимание войны как корпоративно-экономической борьбы за рынки. Она может вестись в интересах национальных экономических элит или транснациональных корпораций. Чаще всего, это чисто информационные и агрессивные действия, нацеленные на противника, но в сочетании с выше описанными империльными этатистическими войнами они могут обретать и энергоматериальный характер вооруженных конфликтов, имеющих целью захват новых рынков (их называют обычно «военными операциями») или передел старых («мировые войны»). При этом обычно такие войны камуфлируются под собственно элитарные или этатистические идеологические конфликты, хотя на деле преследуют чисто экономические цели. В последнее время войны такого типа носят все чаще информационно-экономический характер и протекают в таких формах, как: установление контроля над чужими рынками и сырьевыми базами, введение эмбарго и экономических санкций, игры ценами и курсами, проведение агрессивных финансовых операций, монополизация, демпинг, подрыв экономического доверия к противнику и под. К современным формам экономических войн в рамках системы византизма можно отнести и экономические квазивойны, т.е. экономический терроризм — рейдерство, энергоматериальные и кибератаки на финансовую систему, биржи и отдельные предприятия и под.

Подытожить же место концепта войны в византизме можно двумя пословицами: *Война — забава королей* и *Хочешь мира — готовься к войне*, в которых явно просматривается преследуемый в войнах элитарно-государственный интерес. Именно такой тип культурно-цивилизационной организации общества имеется в виду, когда война рассматривается как органичное продолжение политики или экономики.

В случае, когда доминирующая в стране система византизма начинает клерикализироваться, т.е. роль религиозных и квазирелигиозных лидеров и институтов в государственной и общественной системах возрастает до такой степени, что это начинает напрямую влиять на публичную сферу жизни и функционирование государственных органов, можно говорить о сакрализованном византизме. В таком обществе сакральное (трансценденс) становится определяющим фактором в мышлении и поведении. При этом сакральное (в отличие от системы теократии) в византизме — это не всегда собственно божественное. Это любая отвлеченная идея, возводимая в ранг святости. Нередко роль сакрального фактора в такого рода мировоззрении начинают играть концепты народа, родины, светлого будущего или воинского долга как своеобразных суррогатов божественного начала, которые становятся абсолютным оправданием войны и связанных с нею жертв. Отсюда популярность в такого типа системах высказываний, вроде: *Война народная имеет цели благородные, Воином быть — народу служить, За Родину-мать не страшно умирать, Кто смерти не несет врагу, тот перед Родиной в долгу, Смертью герой пал, а Родину не предал, Кто Отчизну любит, тот врага губит, Русские в плен не сдаются, Русские на войне своих не бросают* или *Сам погибай, но знамя спасай*. В польском паремическом фонде нет пословиц и поговорок такого типа, но зато встречаются более поздние идеологические слоганы сакрально-визан-

тинистского толка, которые перешли в языковой фонд прецедентных высказываний, вроде: *Polaków można zniszczyć, ale nie pokonać, Polska — Ojczyzna Bohaterów, Do boju, Polsko!* или *Śmierć wrogom Ojczyzny*. Как и в предыдущем случае (в туранистической модели), в польском византинизме призывы к войне за родину и народ встречаются не столько в пословицах и поговорках, сколько в военных песнях, причем такого рода песни составляют подавляющее большинство польского песенного фонда на военную тему:

<i>Ta ziemia do Polski należy,</i>	<i>Naprzód, do boju,</i>	<i>Hej, kto Polak,</i>
<i>Choć Polska daleko jest stąd,</i>	<i>żołnierze,</i>	<i>na bagnety!</i>
<i>Bo wolność! krzyżami</i>	<i>Polski Podziemnej:</i>	<i>Żyj swobodą, Polsko,</i>
<i>się mierzy!!</i>	<i>Za broń!</i>	<i>żyj!</i>
<i>Historia ten jeden ma błąd!!</i>	<i>Boska potęga nas</i>	<i>Takim hasłem</i>
(Czerwone maki na Monte	<i>strzeże,</i>	<i>cnej podniety,</i>
Cassino)	<i>Woła do boju</i>	<i>Trąbo nasza,</i>
	<i>nas dzwon.</i>	<i>wrogom grzmij!.</i>
	(Hymn Armii	(Warszawianka).
	Krajowej)	

Иногда в таких песнях родина даже противопоставляется любимой:

Po cóż ta łza w oku, po cóż serca bicie?
Tobiem winien miłość, a Ojczyźnie życie.
Pamiętaj, żeś Polka, że to za kraj walka,
Niepodległość Polski to twoja rywalka.
 (Bywaj dziewczę zdrowe).

Несоизмеримо больше такого рода произведений в российском культурном пространстве. Война для византинизма всегда была и остается одним из базовых идеологически значимых концептов, непосредственно сопряженным с идеей патриотизма. Традиция военно-патриотической песни появилась еще во времена Российской империи:

<i>Не скажет ни камень, ни крест, где легли</i>	<i>Знают турки нас и шведы,</i>
<i>Во славу мы русского флага.</i>	<i>И про нас известен свет,</i>
<i>Лишь волны морские прославят в века</i>	<i>На сраженьях, на победы</i>
<i>Геройскую гибель «Варяга».</i>	<i>Нас всегда сам Царь ведет.</i>

(Варяг)

Все мы – дети великой Державы,
Все мы помним заветы отцов
Ради Знамени, Чести и Славы
Не жалеи ни себя, ни врагов.
(Прощание славянки)

С нами труд Он разделяет,
Перед нами Он в боях;
Счастьем всяк из нас считает
Умереть в Его глазах.
(Славны были наши деды)

Особенно много таких песен было создано в советскую эпоху:

<i>Горит в сердцах у нас любовь</i>	<i>Если на Отчизну</i>
<i>к земле родимой</i>	<i>нагрянет беда,</i>
<i>Идём мы в смертный бой за честь</i>	<i>Позовёт солдата труба.</i>
<i>родной страны.</i>	<i>Армия моя, ты</i>
<i>Пылают города, охваченные дымом,</i>	<i>на страже всегда!</i>
<i>Гремит в седых лесах суровый</i>	<i>Ты — моя любовь и судьба!</i>
<i>бог войны.</i>	(Армия моя)

(Артиллеристы)

*Нет в России семьи такой,
где б не памятен
был свой герой,
И глаза молодых солдат с фотографий
увядших глядят.
Этот взгляд, словно высший суд,
для ребят, что сейчас растут.
И мальчишкам нельзя ни солгать,
ни обмануть,
Ни с пути свернуть.*
(От героев былых времен)

*Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет, –
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.*
(Если завтра война)

Их популярность не снижается и в настоящее время. Но много песен, сакрализирующих войну во славу России, появилось и стало популярными уже после распада СССР:

*Летят самолёты, плывут корабли,
Обломки Нью-Йорка в небесной пыли.
Вся жизнь проплывает, как-будто
во сне,
А взглянешь на небо — там звёзды
в огне.
А в чистом поле система «Град»,
За нами Путин и Сталинград.*
(За нами Путин)

*Офицеры, офицеры,
Ваше сердце под прицелом.
За Россию и свободу до конца!
Офицеры, россияне, пусть свобода
воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца!*
(Офицеры)

*Наступил великий
час расплаты
Нам вручил оружие народ -
До свиданья, города и хаты,
На заре уходим мы в поход!
(До свиданья, города и хаты)*

*И если опять над морями
Завьется сражения дым,
Мы знаем, что Родина с нами,
А с ней мы всегда победим.*
(Летят белокрылые чайки)

*Чечня в огне — здесь не Афган,
Здесь вся война сплошной обман,
А что же делать,
мы России присягали...
Нет, не за баксы и рубли,
Идем мы по земле Чечни,
А чтоб тебя, Россия-Русь,
великой звали...*
(Чечня в огне)

*Мы не отдали высоту и в этом
есть святая доблесть!
Так лучше смерть принять в бою,
чем потерять и честь,
и гордость!
Не отступили ни на шаг
и не упали на колени!
Мы свято верили в наш флаг,
в победу в том глухом ущелье!*
(Мы не отдали высоту)

Своеобразными символами польского и российского византизмов являются лозунги *Bóg, Honor, Ojczyzna* и *За Царя, за Родину, за Веру* (в версии, распространенной во времена Великой Отечественной войны — *За Родину, За Сталина!*, а в современной — *За Россию и Путина*), которые носят откровенно милитарный концептуальный характер. Особенно ярко это видно в российских слоганах, где сама грамматическая конструкция имплицитно призывает к бою.

Если трибалистический или туранистический взгляд на войну — это, скорее, результат определенного рода синергии воспитания в естественной среде,

то византинистское мировоззрение порождается исключительно идеологическим (кибернетическим) воздействием со стороны государственных, религиозных или медийных институтов, формирующих т.н. «историческую память». Это явление было в свое время очень точно диагностировано Львом Гудковым: «Как и любой иной, этот „частный“, индивидуальный опыт — опыт людей на войне и во время войны, даже пусть их огромного множества, не будучи специально обработанным, не воспроизводится и не составляет культурного или социального факта. Только получив соответствующее институциональное оформление и закрепление, став технически репродуцируемым, будучи вписанным или хотя бы соотнесенным с коллективными рамками событий прошлого и настоящего, опыт военного времени становится исторической „памятью“ общества или отдельных групп и участников войны. Без этих механизмов (и направленной политики СМИ) специального поддержания и организации „памяти“, ритуалов и инсценировок, разыгрывания военной тематики прошлое, даже столь значимое, быстро рассыпается и исчезает» [Гудков, 2005].

ТЕОКРАТИЯ

С точки зрения теократической модели организации общественного опыта война, наполненная религиозно-идеологическим содержанием, является священным событием. *Смерть в бою — дело Божие, Крепко верить — значит победить, Бой — святое дело, иди на врага смело* и польское *Gdzie Pan Bóg, tam zwycięstwo* — это типичные для теократического мышления приемы сакрализации войны. В этом смысле специфические теократической разновидностью войны являются религиозные войны — всегда идеологические, но при этом редко встречающиеся в чистом виде. Обычно религиозная война сочетается с элитарными, этатистическими или экономическими (т.е. чисто византинистскими), а также собственно туранистическими факторами. Религиозные войны могут быть внешними (религиозно-цивилизационные или религиозно-культурные) и внутренними (религиозно-гражданские). К элементам религиозной войны можно отнести также крайние формы религиозного экстремизма, т.е. террористические акты на религиозной почве. С точки зрения цели религиозные войны можно разделить на прозелитические («просветительские») и экстерминационные («священные»). В первых целью является обращение «неверных» в свою веру, во втором — их элиминация. Религиозные войны чаще всего носят энергоматериальный характер, но при этом всегда без исключения это войны информационные — во имя «высших», трансцендентных целей.

Теократическое мировоззрение в чистом виде не встречается ни в польском, ни в российском культурном пространстве. Мотивы святости войны за веру обычно перемешаны с мотивами служения родине, народу или с туранистической идеей обретения воинской доблести и исполнения воинского долга. Весьма показательные в этом смысле строки можно найти и в старопольской балладе о Стефане Чарнецком, и в гимне барских конфедератов, и в некоторых партизанских песнях периода Второй мировой войны (в которых упование на Бога сочетается чисто туранистическим повстанческим порывом):

<i>Stojął we krwi po kolana, I bił na niego pogana. Wzdychał we dnie, klęczał w nocy, Wołał od Boga pomocy. A mój Jezu lihościwy, Usłysz-że nasz płacz rzewliwy. A mój Jezu mój kochany, Odwróć Ty miecz na pogany.</i>	<i>Bo kto zaufał Chrystusowi Panu, I szedł na święte kraju werbowanie, Ten „de profundis” z ciemnego kurhanu na trąby wstanie! Bóg jest ucieczką i obroną naszą, Póki On z nami całe piekła pękną. Ani ogniste smoki nie ustraszą, Ani ulękną.</i>	<i>Boska potęga nas strzeże, Woła do boju Was dzwon. Godzina pomsty wybija, Za zbrodnie, mękę i krew. Do broni! Jezus Maryja! Żołnierski woła nas zew. (Hymn Polski podziemnej)</i>
(Pieśń o Stefanie Czarnieckim pogromcy Szwedów)	(Pieśń Konfederatów Barskich)	

В таком же теократическо-византинском и теократическо-туранистическом духе выдержаны, например, строки известного российского марша «Прощание славянки», а также ряд современных песен военно-религиозной направленности:

<i>Овевает нас Божие Слово, Мы на этой земле не одни И за братьев, за веру Христову Отдавали мы жизни свои. Прощай, отчий край, Ты нас вспоминай, Прощай, милый взгляд, Не все из нас придут назад.</i>	<i>Не погибнет Отечество наше, Не смирится с позорной судьбой. Всех святых, на Руси воссиявших, Я сегодня скликаю на бой. (Русские не сдаются) Но сходил Святой Дух в земное, И вставали полки стеною, Чтобы веру русскую спасти...</i>	<i>Вновь кружат стервятники Хищно в высоте... Мы вернёмся со щитом Или на щите. С нами Бог да Русь-земля За неё хоть в ад! Без неё не жити нам Нет пути назад! (Святая Русь).</i>
(Прощание славянки)	(С нами Бог)	

ЛАТИНИЗМ

В отличие от всех рассмотренных выше моделей организации общества, две последние — латинизм и комсупционизм — можно условно определить как более или менее пацифистские или миротворческие (во всяком случае в идеале). В обеих не только сама война однозначно определяется и концептуализируется как зло, но и соответствующим образом моделируется общественная деятельность. Различия между ними, однако, есть и они существенны. Для латинистского (или европейского) типа культурно-цивилизационной модели наивысшей ценностью провозглашается человеческое достоинство (собственное и других людей), а также человеческая жизнь (когда она направлена на сохранение этого достоинства). Но нельзя утверждать, что латинистский спо-

соб мышления полностью отвергает возможность ведения войны. Если целью войны должна быть защита человеческого достоинства и напрямую связанных с ним жизни, свободы, равенства и солидарности, война вполне допустима. Поэтому особенностью войны латинистского типа является то, что это чаще всего война в интересах гражданского общества и прав человека. Такие войны всегда идеологические. Но и они также редко встречаются в чистом виде. Чаще всего они могут сопровождаться витально-экономическими и социально-политическими мотивами. В этого типа войнах очень важно, кто является их субъектом. Если это государство, в идеологии которого доминируют т.н. европейские ценности, то война может носить либо внешний (оборонительная война, миротворческие интервенции и гуманитарные операции), либо внутренний характер (антитеррористические операции внутри страны). Акцент в такого рода конфликтах возлагается прежде всего на информационный компонент (пропаганда, гуманитарная помощь). Если же субъектом войны являются негосударственные гражданские организации, функционирующие в государстве нелатинистского типа, такого рода войны могут принимать форму внутреннего гражданского неповиновения, гражданского сопротивления или даже революции. Но и в этом случае латинистский идеал состоит в том, чтобы такого рода войны носили прежде всего информационный, а не энергоматериальный характер. Классическими концептуальными слоганами латинистского мировоззрения в отношении войны могут являться пословицы *В миру воров вешают — на войне они в чести* и *Война питается деньгами и упивается кровью*. Обе эти пословицы, скорее всего, заимствованы в русский паремический фонд из Европы (возможно, из Франции). В польской паремии к таким, латинистским по своей культурно-цивилизационной сущности высказываниям можно отнести: *So pokój zrodzi, to wojna wygubi, Kto mieczem wojuje, ten od miecza ginie, Bitwa nie pokój, śmierć nie życie, Podczas wojny milczą prawa, Lepsza rozważa niż odwaga*, а также *Bardziej boli od języka niż od miecza* (в котором подчеркивается преимущество информационных форм конфронтации над энергоматериальными). Латинистское отношение к войне как к антигуманному явлению, которому нет оправдания, обычно проявляется в художественной литературе и песнях авторства представителей либерально-демократической интеллигенции. Традицию пацифистской российской песни открыл А. Вертинский романсом «То, что я должен сказать»:

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!
И никто не додумался молча стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это просто ступени
В бесконечные пропасти — к долгожданной Весне!*

Такого рода мотивы находим в популярных песнях советских времен *Если б не было войны, Хотят ли русские войны, В полях за Вислой сонной, Баллада о красках, Баллада о маленьком человеке, Тишина* и др. В обилии мотив осуждения войны присутствовал в творчестве Б.Окуджавы, встречаются они и во многих песнях рок-групп «Машина времени», «ДДТ», «Наутилус Помпилиус», «Аквариум», «5Nizza», «ХЗ» и др.:

*Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем*

*вчерашним,
Бери шинель пошли домой!
(Бери шинель)*

*В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный
(Бумажный солдат)*

*И когда кто-нибудь вспоминал
о войне,
Он топил свою совесть в
тяжелом вине.
Перед ним, как живой, тот
парнишка стоял,
Тот, который его об одном
умолял:
Не стреляй! Не стреляй!
(Не стреляй)*

*– Черт возьми, лейтенант,
да что это с вами!
Где же воинский долг, ненависть
к врагу?!*

*– Господин генерал, посудите сами:
я и рад бы приврать, да вот не могу...
– Ну гляди, лейтенант, каяться
придется!*

*Пускай счета с тобой трибунал
сведет...
– Видно, так, генерал: чужой
промахнется,
а уж свой в своего всегда попадет.
(Дерзость)*

*Крестики, нолики, фантики, стали
теперь солдатики,
Стали теперь служивые, каждому
вышел срок.
С вечера спорили, ссорились, а поутру
построились,
А поутру прицелились, каждый
нажал курок.
(Спускаясь к великой реке)*

И все же этот тип мышления в современном российском культурно-цивилизационном пространстве существенно уступает как турано-византинистскому, так и довольно распространенному трибалистическому и даже консумпционному образу войны.

По сравнению с российской песенной культурой (как официальной, так и популярной, а также контркультурной или андеграундовой) в польской тема войны поднимается очень редко. В основном, это собственно военные (и даже армейские) песни, выдержанные в ключе протеста против оккупантов или в духе национально-освободительного движения, а это чисто византинистский и туранистический взгляд на войну. Большинство из них пелись самими воюющими, а сейчас поются только на патриотических митингах и манифестациях. Песен о войне, которые можно было бы слушать на концертах или петь в кругу друзей в польском культурном пространстве очень мало. При этом большинство из них выдержаны в том же военно-патриотическом турано-византинистском (гlorификация освободительной войны) или теократическом духе (национальная жертвенность).

Можно попытаться предположить, почему тема войны мало привлекает собственно латинистско ориентированных польских поэтов и музыкантов. Ко времени полноценного формирования латинистско-европейского мировоззрения (конец XIX века) Польша уже не являлась военной силой, не обладала армией (как и вообще государственностью) и война воспринималась многими как шанс вернуть национальную независимость. А это благоприятствовало концептуализации понятия войны именно турано-византинистского типа. Поль-

ша не участвовала как самостоятельный военный субъект ни в первой, ни во Второй мировой войне (ее войска либо входили в состав союзнических армий, либо были частью партизанского движения), до сих пор большинство поляков не воспринимает себя победителями в этой войне, часть полагает, что одна оккупация (нацистская) в 1945 сменилась другой — советской, а Вторая мировая война для них закончилась только в 1993 с выводом советских войск из Польши. Да и в период ПНР поляки не считали себя одними из активных участников мировой гонки вооружений. Отсюда отсутствие в публичном дискурсе всего того комплекса военно-партиотической проблематики и того идеологического давления, с которыми приходилось сталкиваться всем жителям СССР и, в первую очередь, русским, которые на протяжении многих веков формировались как милитарная нация с ощущением своей военной мощи и мировой значимости именно как страна — обладатель одной из самых сильных армий. Не будем забывать, что Великая Отечественная война и День Победы для множества россиян (даже не разделяющих византийское мировоззрение) — это весьма значимые идеологические и мировоззренческие концепты. Как отмечал в 2005 году Лев Гудков, «Это самое значительное событие в истории России, как считают ее жители, опорный образ национального сознания. Ни одно из других событий с этим не может быть сопоставлено. В списке важнейших событий, которые определили судьбу страны в XX веке, победу в ВОВ в среднем называли 78% опрошенных. Причем значимость Победы за последние годы, особенно с приходом Путина, только выросла. Если в 1996 году на вопрос: «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» — так отвечали 44% опрошенных (самая большая группа ответов), то в 2003 году таких было уже 87%. Больше сегодня гордиться нечем — распад СССР и неудача реформ в постсоветское время, заметное ослабление массовых надежд и исчезновение перестроечных иллюзий стали содержанием травматического опыта национальной несостоятельности» [Гудков, 2005].

В Польше же к милитарной тематике отношение совершенно иное. В силу многих обстоятельств поляки в большинстве своем дистанцируются от военной проблематики (за исключением византийско-теократической темы национального мученичества, связанного с прошлыми поражениями). Как следствие — в польской популярной песенной традиции не только собственно тема войны, но и антивоенная тема встречается значительно реже, чем в российской. Для российских поэтов и певцов латинистского толка протест против войны был одной из легальных форм социального и идеологического протеста против милитаризма собственной страны. В Польше песни антивоенного или собственно пацифистского толка иногда можно встретить в рок-традиции (Ч. Немен, группы «Blackout», «Dżem», «Kult», «Perfekt», «Akurat», «Strefa Mocnych Wiatrów», «Lao Che»), но чаще — в рок-андеграунде («Brygada Kryzys», «Detonator», «Siekiera»). Изредка такого рода песни появлялись в бардовской традиции (С. Гжесюк, В. Млынарски) или в сфере популярной культуры (в ПНР — Э. Феттинг, «Maanam», в настоящее время — М. Пешек). Классическим примером такого рода текста о войне собственно латинистского типа является стих Ю.Тувима «К простому человеку», популяризированный рок-группой «Akurat» (приведу выдержку):

*Gdy znów do murów klajstrem świeżym przyklepać złączą obwieszczenia,
Gdy „do ludności”, „do żołnierzy” na alarm czarny druk uderzy
I byle drab, i byle szczeniak w odwieczne kłamstwo ich uwierzy,*

*Że trzeba iść i z armat walić, mordować, grabić, truć i palić;
Gdy zaczną na tysięczną modłę Ojczyznę szarpać deklinacją
I łudzić kolorowym godłem, i judzić „historyczną racją”,
O piędzi, chwale i rubieży, o ojcach, dziadach i sztandarach,
O bohaterach i ofiarach;
Gdy wyjdzie biskup, pastor, rabin pobłogosławić twój karabin,
Bo mu sam Pan Bóg szepnął z nieba, że za ojczyznę — bić się trzeba...*

Общее впечатление, что в польском культурном пространстве война встречается гораздо реже, чем в российском, может быть также следствием того, что оно в гораздо меньшей степени находится под влиянием государственной идеологии и более разнородно в культурно-цивилизационном плане. Поэтому, находясь в «турано-византинской» культурной среде, можно не замечать наличие антивоенной проблематики, а будучи представителем латино-европеизма, — не замечать обилия военно-патриотических прецедентных текстов. Плюрализм польского медиа-пространства несколько «рассеивает» военную тематику, чего нельзя сказать о российском медиа-пространстве, находящемся под прессом централизованной государственной военно-патриотической пропаганды.

КОНСУМПЦИОНИЗМ

Вырастающему их экономического византизма потребительскому обществу реальные войны чужды по сути. Материальные ценности в консумпционной системе организации общественного опыта должны служить потреблению, а люди (т.е. живая сила с военной точки зрения) — быть потребителями или производителями этих ценностей. Поэтому их уничтожение про определению нерационально. Войны здесь, скорее, рудимент византизма и проявления межцивилизационных конфликтов. В определенном смысле подход к войне в консумпционизме сходен с трибалистическим. Его можно выразить пословицей *Война войной, а обед по распорядку*. В потребительском обществе (которое одновременно является обществом информационным) намечается тенденция замены войны спортом, разного рода физическими состязаниями, а то и перенесение концепта войны из реального опыта в симулятивный, т.е. в компьютерные игры. Распространенная формула *У меня еще три жизни осталось* и убеждение, что *Война никогда не меняется* (War Never Changes) — классическое следствие виртуализации феномена войны в информационно-консумпционном обществе. Консумпционистский пацифизм, в отличие от латинистского, мотивирован не этически, а экономически, а его специфика состоит в том, что он вызван не идеологическими убеждениями, а чисто потребительскими нуждами, в первую очередь потребностью удовлетворения материальных потребностей и потребностью в развлечениях. В хорошо функционирующем потребительском обществе нет повода, ради которого стоило бы начинать войну и идти на смерть (разве что это компьютерная игра, в которой можно симулировать уничтожение миров, истребление народов, а также многократно героически погибать).

Стоит все же заметить, что как латинизм, так и консумпционизм — это системы *in statu nascendi*, т.е. в стадии становления. В развитых странах обе эти системы конкурируют с элитарно-экономическим византизмом за влияние на общественное сознание. Пока (ввиду своего потребительского характера) явно побеждает консумпционизм. Его витальная и утилитарная нацеленность имеет также больше поклонников в обществах и общественных группах, где до сих

пор доминирующим мировоззрением является трибализм или туранизм. Латинизм как мировоззрение требует соответствующего уровня благосостояния и культурного уровня общества (чтобы духовные потребности начали преобладать над витальными), а также политико-экономической стабильности и высокого уровня развития общественного порядка (чтобы потребность в свободе и равенстве не подавлялись чувством страха и угрозой безопасности). Самыми серьезными противниками латинистской модели организации общества остаются этатистический византизм в сочетании с туранизмом (государственная тирания) или туранизм в сочетании с теократией (религиозный экстримизм). Именно эти системы (наряду с элитарно-экономическим византизмом — т.е. властью экономических корпораций) в настоящее время представляют собой основные очаги войн. И именно в этих мировоззренческих системах концепт войны является одним из ключевых и значимых.

Может возникнуть закономерный вопрос, почему концептуализация войны в ической картине мира рассматривается на материале паремического и песенного фонда. Объяснение простое: идеи, вербализованные в текстах пословиц, поговорок, сентенций и песен (с их ритмичностью и музыкальным сопровождением, благоприятствующих запоминанию) легко становятся прецедентными высказываниями и текстами, сохраняются в долговременной памяти и в силу своей мировоззренческой и идеологической прагматики становятся алгоритмами мышления, а значит, напрямую влияют на культурно-цивилизационную модель организации общественного опыта человека.

Рассмотренная здесь типология культурно-цивилизационной концептуализации понятия войны требует своей конкретизации исследованием актуального публичного дискурса России и Польши, но этому будет посвящена вторая часть данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков, Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян, «Неприкосновенный запас» 2005, № 2-3 (40-41), <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html> (19.08.2017).

Кротов, Я. *Зачем в России пропагандируется милитаризм?* в: newsland, <https://newsland.com/user/4296647969/content/zachem-v-rossii-propagandiruetsia-militarizm/3873396> (20.08.2017).

Потапчук, М. А. Концепт «война» в русском языке и культуре, «Челябинский гуманитарий», 2011, №4 (17), с. 48-52.

Шулежкова, С. Г. Песенные крылатые выражения. 18 век — Великая Отечественная война. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Выпуск 2, Магнитогорск, 1992.

Эмер, Ю. А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ, «Вестник Томского государственного университета. Филология», 2012, No 4 (20), с. 58-67.

Leszczak, O. *Etniczny obraz świata Polaków. Kulturowo-cywilizacyjna i lingwosemiotyczna analiza polskiego dyskursu publicznego*, Pidručnyky i posibnyky, Ternopil 2017.

Leszczak O. *Krytyka doświadczenia etnicznego. Metodologiczne i kulturowo-cywilizacyjne wprowadzenie do badania etnicznych obrazów świata Rosjan, Polaków i Ukraińców*, „Śląsk”, Katowice 2014.

Leszczak, O. *Rosyjski etniczny obraz świata w aspekcie kulturowo-cywilizacyjnym i lingwosemiotycznym*, Toruń, 2014.